

и с тех пор находится с ним в любовной связи. Они проживают в настоящее время в Женеве, где Мечников участвует в редакции «Колокола» и куда недавно ездил сам Скарятин с целью устроить дело о разводе с женой. Надя, о которой упоминается в письме, — дочь Скарятина, которой он постоянно высылает деньги на воспитание. Мечников пишет в «Современнике» под псевдонимом *Леона Бранди*. В. Д. Скарятин в скором времени опять отправится за границу, где он намерен пробыть до августа месяца.

12 мая 1866 г.

На полях: Участие Мечникова в редакции «Современника» и в редакции «Русского слова» обнаруживается и последующими перлюстрациями.

Из этой справки явствует, что О. Р. Скарятин уже давно находилась под наблюдением царской агентуры за границей. Видимо, Скарятин только в 1866 г. решила оформить свои отношения с Л. И. Мечниковым и развестись с мужем. Очевидно, она сделала это ради дочери, которая получила фамилию отчима. В письмах Герцен, продолжая называть Ольгу Ростиславовну Скарятиной, Надю всегда называл Мечниковой.

Лев Ильич Мечников, замечательный разносторонне одаренный ученый и пламенный революционер, был для О. Р. Скарятиной тем человеком, встречи с которым желал ей Герцен: «Встретить энергию и ум — которые бы вас подавили, натуру сильную и изящную — которая бы вас вела».

Запутавшаяся в противоречиях женщина, стремившаяся найти свое место в жизни, встретила в Герцене отзывчивого и мудрого советчика, указавшего ей путь к разумной и осмысленной жизни.

ОГАРЕВ — С. Г. ВОЛКОНСКОМУ

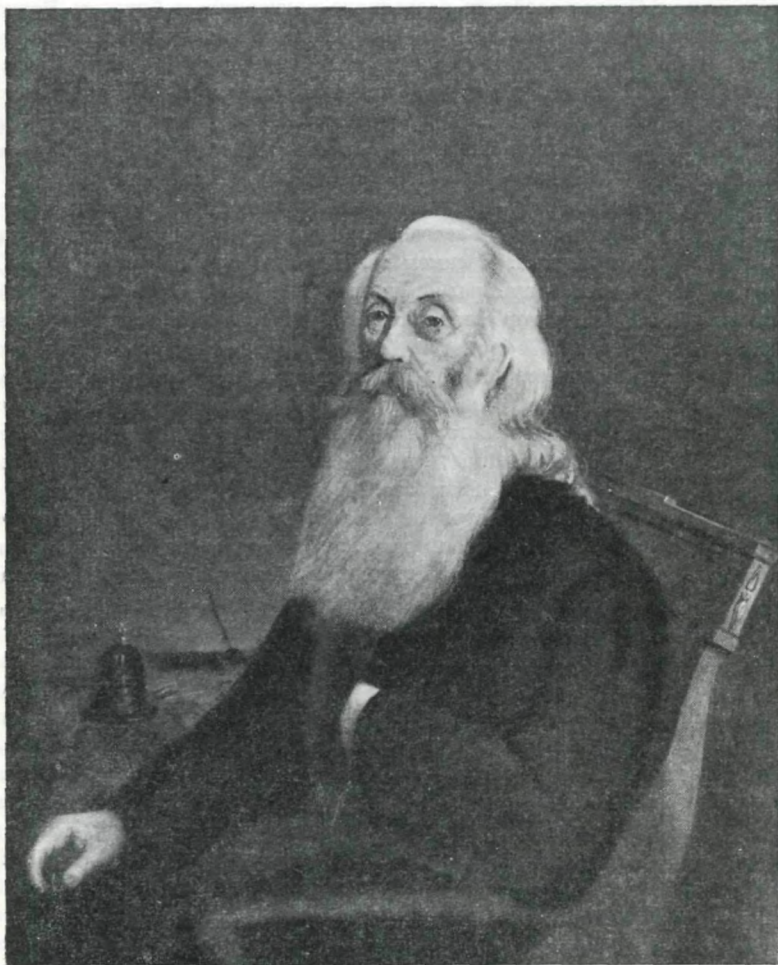
Публикация Ю. Г. Оксмана

Письмо Огарева к декабристу С. Г. Волконскому написано под непосредственным впечатлением рассказов Герцена о его встрече в Париже с последним из оставшихся в живых руководителей Южного общества, другом и соратником Пестеля. Эта встреча произошла в конце июня — в самом начале июля 1861 г. (XXII, 314). Около 8 июля н. ст. Герцен был уже в Лондоне, так что наиболее вероятной датой письма Огарева к Волконскому является 8 или 9 июля 1861 г.

Князь Сергей Григорьевич *Волконский* (1788—1865) — генерал-майор, командир 1-й бригады 19-й пехотной дивизии, герой Отечественной войны, член Союза Благодетствия и Южного общества. После десятилетней каторги и двадцатилетней ссылки проживал под надзором полиции в Москве и в деревне дочери. В 1859 г. в первый раз выехал для лечения за границу; второе его пребывание за рубежом относится к 1860—1861 гг. Этой зимой с ним знакомится во Флоренции Л. Н. Толстой, обращающийся под впечатлением встреч с Волконским к замыслу романа о декабристах. Страницы о возвращении из Сибири в Москву Волконского (именно он является прототипом старика-декабриста Лабазова) Толстой читает в Париже И. С. Тургеневу и с большим удовлетворением передает его положительный отзыв с первых глав нового романа в письме от 26 марта 1861 г. к Герцену (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 60. М., 1949, стр. 374). Незадолго до этого о встрече с Волконским пишет Герцену и сам Тургенев («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 139). Осведомленные о приезде Волконского в Париж, Герцен и Огарев 28 марта 1861 г. передают ему привет по случаю манифеста об освобождении крестьян (XI, 59). О том впечатлении, которое произвело затем на Герцена его знакомство с Волконским, мы знаем из нескольких источников. Самым замечательным из них является рассказ Герцена в его четвертом «Письме к будущему другу»:

«В 1861 г. (<...>) я опять почувствовал себя молодым студентом. Старик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми

волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о *своих*, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошел молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, еще более блестящий, но уже иным светом... Я слушал, слушал его — и, когда он кончил, хотел у него просить напутственного благословения в жизнь, забывая, что она уже прошла... И не одна она» (XVII, 99).

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ

Портрет маслом неизвестного художника, 1860-е гг.

Музей революции, Ленинград

Имя Волконского не было названо здесь открыто — он был еще жив, и дружеские строки в «Колоколе» могли ему повредить. Но после смерти декабриста Герцен, печатая в «Колоколе» от 15 января 1866 г. его некролог, написанный П. В. Долгоруковым, присоединил к этим поминальным страницам и те несколько слов о встрече с Волконским, которые появились впервые в «Письмах к будущему другу». К этим строкам он прибавил еще несколько слов: «Удивительный кряж людей... Откуда XVIII век брал творческую силу на создание гигантов везде, во всем, от Ниагары и Амазонской реки до Волги и Дона... Что за бойцы, что за характеры, что за люди!» (XVIII, 315).

Воспоминания Герцена о Волконском делают нам понятными не только тему, но и самую тональность тех рассказов о нем, под впечатлением которых Огарев обратился летом 1861 г. к Волконскому с печатаемым ниже личным письмом.

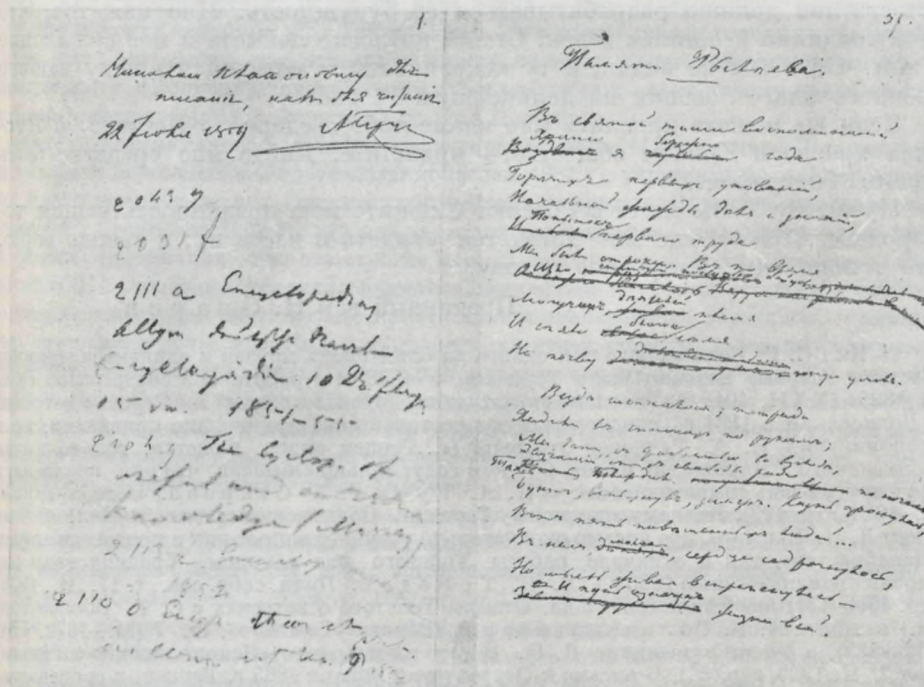
Это обращение нет оснований рассматривать — одним из простых изъяснение чувств уважения и любви к Волконскому — одному из старейших носителей тех «традиций русской свободы», которые связывали деятелей Северного и Южного обществ с следующими поколениями русских революционеров.

В своем письме Огарев особенно настойчиво подчеркивает близость Волконского к Пестелю и исторически определяет его как представителя той «стороны» революционного движения 10—20-х годов, манифестом которой была «Русская правда». Именно к этому политическому документу Огарев возводит и генезис тех новых «взглядов на Россию», которые, по его мнению, вдохновляют и современных ему «борцов за ее будущность». Характерно, что Огарев, обращаясь к Волконскому, не считает нужным рекомендоваться — он как будто бы не сомневается в том, что адресат письма знает его не только как деятеля революционной эмиграции, ближайшего соратника Герцена по «Колоколу» и «Полярной звезде», но и как давнего апологета и популяризатора декабристских традиций. В самом деле, в литературном формуляре Огарева в эту пору уже был уничтожающий разбор книги М. А. Корфа о Николае I (в сборнике Герцена «14 декабря и император Николай», 1858), им была уже выпущена в свет «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861), он редактировал замечательное лондонское издание «Дум» Рыльева (1860), ему принадлежали воспоминания о встречах с декабристами, опубликованные под названием «Кавказские воды» («Полярная звезда на 1861 г.»), он же был, наконец, автором таких проникновенных стихотворений о декабристах, как «Я видел вас, питомцы дальних стран...», «О, если б мне пришлось прожить еще года...», «Памяти К. Ф. Рыльева».

Письмо Огарева говорит о его горячем желании стать историком Южного общества и биографом его вождей. Поэтому он и претендует на внимание Волконского, поэтому он и ждет от него конкретных советов и материалов, причем и здесь его занимают больше всего Пестель и «Русская правда». В строках об этом Огарев допускает, кстати сказать, существенную неточность — он утверждает, что деятельность Пестеля известна ему «только из смутных отрывков, упоминаемых Следственной комиссией». Между тем в «Донесении Следственной комиссии» мы не найдем ни слова о том, что больше всего занимало и Герцена, и Огарева — данных об аграрной программе Южного общества. Единственным источником сведений об этом в течение нескольких десятков лет была книга Н. И. Тургенева «Россия и русские», в которой мемуарист, рассказывая о своих спорах с Пестелем в 1824 г., попутно характеризовал его планы «обобществления земельной собственности» и квалифицировал их как русский вариант утопических теорий Роберта Оуэна и Фурье («La Russie et les Russes», t. I. Paris, 1847, p. 129—130; ср. перевод в книге: Н. И. Т у р г е н е в. Россия и русские, т. I. М., 1915, стр. 90—91). Полемизируя с Н. И. Тургеневым, Герцен, на основании данных своего же противника, сумел правильно определить платформу «Русской правды» еще в работе «О развитии революционных идей в России» (1851), а затем и во всех дальнейших своих писаниях о декабристах широко прокламировал революционный пафос Пестеля и национальное своеобразие проектируемого им нового социально-экономического законодательства. На этих же позициях стоял и Огарев, который, определяя в своем «Разборе книги Корфа» в 1858 г. программу Союза Благоденствия, солидаризировался не с составителями «Зеленой книги», а с «Русской правдой». «Пестель,— писал Огарев, ссылаясь на книгу Н. И. Тургенева,— шел далее; его задушевной мыслью было изменение экономического порядка в государстве, изменение собственности, так, чтобы все русские были земельными собственниками, чтобы все без исключения участвовали в землевладении и на этом основании пролетариат в России был бы невозможен» (Н. П. О г а р е в. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, стр. 224).

Эти принципы «Русской правды» Огарев понимал как принципы социалистические, лежащие в основе той традиции, которая перенята была деятелями революционного движения 30—50-х годов от их предшественников и которая кровно объединила «поко-

ление распятое» с поколением «принявшим завет и продолжающим задачу» (Н. П. О г а р е в. Кавказские воды — «Полярная звезда на 1861 г.». Лондон, 1861, стр. 350). Приведенные строки из воспоминаний Огарева о встречах его с декабристами на Кавказе в 1838 г. объясняют и просьбу его, обращенную к Волконскому, о «заочном благоговении на дальнейшую работу». «Работа» мыслилась им, конечно, только как работа революционная, причем лично себя Огарев считал таким же обреченным, как и все предшествующее поколение, «распятое». Особенно красноречиво свидетельствуют об этом последние слова его письма к Волконскому.

ЗАПИСНАЯ ТЕТРАДЬ ОГАРЕВА, ПОДАРЕННАЯ ЕМУ ГЕРЦЕНОМ, И СТРАНИЦА
ТЕТРАДИ СО СТИХОТВОРЕНИЕМ ОГАРЕВА «ПАМЯТИ ГЫЛЕЕВА»

Дарственная надпись Герцена: «Николаю Платоновичу для писания, нам для чтения.
А. Герцен, 22 июля 1859»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Историческое значение этого письма остается неизменным, независимо от того, было ли оно переписано и отправлено по назначению или осталось неперебеленным в бумагах Огарева, дошло ли оно до адресата или затерялось в пути.

Письмо Огарева печатается по черновому автографу, сохранившемуся в «софийской коллекции». Впервые частично опубликовано С. А. Макашным в «Известиях Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1954, вып. 5, стр. 459—460.

⟨Лондон. 8 или 9 июля 1861 г.⟩

Князь Сергей Григорьевич,

Глубоко позавидовал я свиданию Герц(ена) с вами, так же глубоко, как и был рад ему, как был тронут им¹. Хотелось мне лично позвать вам руку*. Может, и я уже в том возрасте, когда жить остается недолго и

* Далее зачеркнуто: или, лучше, получить ваше благословение на дальнейший труд.

дела так много, что приходится наскоро собирать и напрягать все силы, чтобы успеть что-нибудь сделать. Тем дороже становится та задача силы, которую вносит в нашу жизнь чувство связи с вами, чувство традиции русской свободы, принятое от вас и хранимое с религиозным благоговением. В этой традиции вы мне представляете ту сторону, которая мне всего ближе, которой летопись, к несчастью, наиболее утрачивается, сторону — Русской правды². Деятельность Пестеля мне известна только из смутных отрывков, упомянутых следственной комиссией. Но и их было достаточно, чтобы обозначить взгляд на Россию и путь, по которому* естественно должна разрабатываться ее будущность. Мне кажется, что этой традиции я остался верен. Стало, вы легко поймете и мое сожаление о том, что я вас не видал, и ту искренность, с которой я прошу вашего заочного благословения на дальнейшую** работу.

Если вы можете прислать мне какие-либо сведения о Пестеле, о Русской правде и Южном обществе, — пришлите. Дайте мне средство быть вашим биографом...³

Прощайте... Вы едете в Россию. Скажите мою преданность вашим товарищам. Может, еще мне доведется увидеть и вас и их; я твердо верю, что только там сложу мою голову.

Преданный вам Н. О г а р е в

¹ Имя С. Г. Волконского как одного из ближайших друзей и единомышленников Пестеля впервые названо было Герценом в 1858 г. в работе «La conspiration russe de 1825» (XXII, 101). О большом впечатлении, произведенном на Герцена встречей с Волконским в 1861 г., свидетельствуют не только его позднейшие признания, но и воспоминания Н. А. Тучковой-Огаревой («...Герцен видел, кажется, только князя Волконского в Париже, не помню в каком году; только слышала, что они показались друг другу очень симпатичными». — Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 197). Личному знакомству Герцена с Волконским предшествовало письмо о нем Л. Н. Толстого. Это письмо окончательно уточняет вопрос как о прототипе героя «Декабристов», так и о начале работы Толстого над романом. Традиционная датировка романа «осенью 1863 г.» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 17. М., 1936, стр. 469—471) явно несостоятельна. Отзывы Толстого о встречах с С. Г. Волконским см. в книге А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого», т. I (М., 1922, стр. 126—127), а также в дневнике Д. П. Маковецкого («Яснополянские записки», вып. 2. М., 1923, стр. 64). В письме к Огареву от 2 января 1865 г. Герцен, под впечатлением своего знакомства с А. В. Поджио, писал: «Этот сохранился еще энергичнее Волконского (который при смерти болен). Господи, что за кряж людей!» (XVIII, 5).

² Платформа «Русской правды» после выхода в свет работы «О развитии революционных идей в России» популяризировалась Герценом в брошюре «Народный сход в память французской революции» (VIII, стр. 150) и в работах «La conspiration russe de 1825» (XXII, 99) и «Etudes historique sur les héros de 1825» (XX, 323—324). Ср. более развернутую характеристику Пестеля и «Русской правды» в брошюре Огарева «В память людям 14 декабря 1825 г. (Посвящено русскому войску)». Женева, 1870 (перепечатано в «Избранных социально-политических и философских произведениях», т. I. М., 1952, стр. 783—786). Высказывания Огарева о декабристах с наибольшей полнотой собраны и критически освещены в работе С. А. Переселенкова «Н. П. Огарев и декабристы» («Декабристы. Незданные материалы и статьи». Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксман. М., 1925, стр. 279—316).

³ Огарев, видимо, не был осведомлен о том, что С. Г. Волконский уже приступил в это время к работе над своими воспоминаниями, в которых существенное место занимали и материалы о Пестеле, от первой встречи с ним мемуариста в 1819 г. до последнего свидания в Тульчине в декабре 1825 г. («Записки С. Г. Волконского». СПб., 1901, стр. 404, 417—418, 428—430, 436—438). Многие эпизоды в этих записках очень близки к эпизодам, переданным, со слов Волконского, П. В. Долгоруковым в «Колоколе» от 15 января 1866 г., л. 212. Впервые опубликованный здесь некролог Волконского перепечатан в книге: Петр Владимирович Долгоруков в Петербургские очерки. Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1934, стр. 369—375. О столкновении декабриста А. В. Поджио с П. В. Долгоруковым из-за этого некролога и о вмешательстве в этот конфликт Герцена см.: «Воспоминания и другие статьи» Н. А. Белоголового. Изд. 3. М., 1898, стр. 121, 125.

* Далее зачеркнуто: постоянно

** Далее зачеркнуто: трудную